

Дзялошинский И.М.

Медиа как пространство насилия (к методологии исследования)

Введение

На Саммите тысячелетия, прошедшем 6 сентября 2000 года под эгидой ООН, главы 185 государств пришли к согласию относительно необходимости совместными усилиями искоренить нужду и несправедливость, обеспечить устойчивое развитие мирового сообщества с учетом соблюдения экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов. На этом форуме отмечалось, что существующие социально-экономические и экологические проблемы свидетельствуют не о недостатке производительных сил человечества, а о социокультурном, духовно-нравственном кризисе межнациональных и социальных отношений. Однако произнесенные на этом форуме прекрасные слова и последующие усилия теоретиков и практиков так и не воплотились в реальность. И вместо мира взаимодействующих ради общих целей сообществ людей мы имеем мир противоборствующих государств, каждое из которых стремится доказать всем другим, что его сегодняшние интересы важнее интересов всех остальных стран. В угоду этим интересам, нередко отчетливо не сформулированным, разворачивается открытая и скрытая борьба, результатом которой является продолжающееся уничтожение мировых ресурсов и очень часто – человеческих жизней. Героями медиа, а значит, и общества, являются те, кто считает, что со злом надо бороться самыми жесткими и даже жестокими мерами, требуют ужесточения информационной и идеологической цензуры, сокращения демократии и т.д.

Все шире распространяются взгляды, согласно которым интересы национальной и международной безопасности не позволяют уповать на сентиментальность и толерантность. Напротив, необходима суровая борьба за наведение необходимого порядка и дисциплины. Голоса тех, кто считает порочной идею борьбы против злокачественной агрессии методами кровной мести и пре-

сечения насилия насильственными же средствами, практически не слышны.

Медианасилие: к теории вопроса

Для начала стоит сгруппировать разные формы насилия. На наш взгляд, целесообразно выделить:

- физическое насилие, целью которого является нанесение вреда телесности человека и его имуществу (а иногда уничтожение и того и другого);
- преобразование среды обитания человека, при котором ухудшаются условия жизни (экономическое насилие, социальное насилие (дискриминация, ксенофобия и др.), этическое насилие;
- воздействие на внутренний мир человека (ментальное насилие, психологическое насилие).

Разумеется, существуют и гибридные формы насилия, в которых обозначенные выше виды насилия интегрируются в самых разных вариантах: гибридные войны, насилие в семье, сексуальное насилие и т.д.

Предмет нашего интереса – воздействие на внутренний мир человека с помощью массовых средств коммуникации, для обозначения которых все чаще используют понятие «масс-медиа».

Этой теме посвящены тысячи публикаций. Разнообразные исследования (правда, проведенные большей частью в лабораторных условиях) установили, что существует связь между уровнем насилия в СМИ и уровнем насилия в обществе. В 1969 году Национальная комиссия США по расследованию причин и предотвращению насилия сделала вывод о том, что жестокие фильмы учат людей добиваться своих целей с помощью насилия. Этот вывод во многом опирался на результаты многочисленных исследований агрессивного поведения, которые провел психолог А. Бандура в рамках социально-когнитивной теории. Этот подход предполагает, что человек, наблюдая действия какого-то образца, приобретает символический прототип для поведения в соответствующей ситуации. Такой процесс, названный А. Бандурой «научение через наблюдение», регулируется четырьмя взаимосвязанными компонентами:

- **внимание** (понимание модели): человек следит за поведением модели и точно воспринимает это поведение;

– **процессы сохранения** (запоминание модели): поведение модели, наблюдаемое ранее, сохраняется человеком в долговременной памяти;

– **моторно-репродуктивные процессы** (перевод памяти в поведение): человек переводит закодированные в символах воспоминания о поведении модели в новую форму своего поведения;

– **мотивационные процессы**: если потенциально присутствует позитивное подкрепление (внешнее, косвенное или самоподкрепление), человек усваивает моделируемое поведение.

Очевидно, что не все «научение через наблюдение» ведет к социально приемлемым результатам. Действительно, человек может научиться нежелательным и даже антиобщественным формам поведения посредством тех же процессов, которые способствуют развитию сотрудничества, сопереживания, альтруизма и навыков эффективного решения проблем.

Начиная с лабораторных исследований, предпринятых А. Бандурой и его коллегами в 60-х годах прошлого века, было собрано значительное количество данных о влиянии телевизионного насилия на социальное поведение. Эти труды показывают, что длительная экспозиция насилия по телевидению может: увеличивать агрессивность поведения зрителей; уменьшать факторы, сдерживающие агрессию; притуплять чувствительность к агрессии; формировать у зрителей образ социальной реальности, не вполне адекватный действительности [Старова, эл. ресурс].

Американский психолог Дж. Гербнер из Пенсильванского университета, начиная с 1967 года, изучал сетку вещания телевидения США. Выяснилось, что две из каждых трех программ содержали сюжеты насилия (действия физического принуждения, сопровождающиеся угрозами избития или убийства, либо избития или убийства как таковые). Размышляя по поводу своих исследований, Дж. Гербнер замечает: «В истории человечества бывали и более кровавые эпохи, но ни одна из них не была до такой степени пропитана образами насилия, как наша. И кто знает, куда нас унесет этот чудовищный поток зримого насилия... просачивающийся в каждый дом через мерцающие экраны телевизоров в виде сцен безупречно отрежиссированной жестокости» [Старова, эл. ресурс].

Многие ученые мира обеспокоены негативным влиянием сцен экранного насилия на детскую аудиторию. Известно, что к моменту окончания средней школы американский ребенок просматривает по телевидению около 8 тысяч сцен с убийствами и 100 тысяч других действий с применением насилия. При этом средства массовой информации практически нарушают права ребенка, определенные документами ООН, не соблюдают возрастные ограничения при демонстрации (прежде всего по телевидению) сцен насилия на экране. Этой проблеме посвящены многие зарубежные исследования, касающиеся воздействия насилия в экранных медиатекстах на детскую и молодежную аудиторию. К примеру, усилиями четырех американских университетов (Калифорнийский университет, Университет Северной Каролины, Техасский университет, Висконсинский университет) в 1994–1997 годах было осуществлено широкомасштабное исследование, посвященное изучению воздействия телевидения на детскую и молодежную аудиторию [Federman, 1998]. Ученые-исследователи подробно проанализировали содержания телепередач и фильмов основных каналов США, определили время, когда программы со сценами насилия наиболее часто выходят в эфир, выявили типы отношений детей и подростков к сценам насилия на телевидении, разработали практические рекомендации для руководства медиа-агентств и родителей. Аналогичный труд был осуществлен группой норвежских ученых в программе исследований, направленных против аудиовизуального насилия [The Norwegian Government's Campaign..., 1995]. При этом, несмотря на различие в деталях, у большинства ученых по сути нет разногласий по поводу негативного влияния неконтролируемого потока сцен экранного насилия на детскую аудиторию и необходимости создания продуманной государственной политики по отношению к защите прав ребенка в области медиа.

Что касается России, то долгое время эта тема была выведена за рамки исследований российских ученых. Тому были определенные причины. Во-первых, в советское время существовала строгая цензура, и официально считалось, что негативное воздействие экрана в плане пропаганды насилия возможно только в капиталистическом обществе. Во-вторых, возражение властей вызывал только показ насилия, связанного с уголовными престу-

плениями. Демонстрация «революционного», «пролетарского», военного и т.п. «оправданного» насилия не только не запрещалась, но и поощрялась. К примеру, «более жестокого и натуралистичного кинематографа, чем советский, в 20-е годы в мире, действительно, просто не было – «буржуазная цензура» не пропустила бы на экраны и сотой доли тех зверств, которые живописали отечественные ленты о революции» [Ковалов, 2003, с. 11]. Таким образом, каких-либо научных исследований того, как сцены насилия в отечественной аудиовизуальной продукции влияли на аудиторию, в советский период не проводилось.

Резкое изменение социокультурной ситуации на рубеже 90-х годов прошлого века обнаружило столько «белых пятен» в гуманитарных науках, что проблема прав ребенка по отношению к аудиовизуальной информации поначалу также выпала из поля зрения российских ученых, оставаясь в основном поводом для поверхностных газетных заметок. Лишь в последние годы стали появляться публикации результатов исследований немногих российских авторов, попытавшихся в той или иной степени исследовать феномен воздействия экранного насилия на подрастающее поколение [Собкин, Хлебникова, Грачева, 2000; Тарасов, 1997; Тарасов, 2000; Тарасов, 2002; Тарасов, 2003; Федоров, 2004; Шариков, 2000].

На наш взгляд, не приходится сомневаться, что потребление медийного контента, содержащего антисоциальные сцены, как-то связано с антисоциальным поведением. Однако здесь возможна обратная зависимость: мощная ориентация на вражду, возникшая в силу ряда причин в детском возрасте, становится катализатором интереса к медийному насилию. И не случайно комиссия Американской психологической ассоциации по насилию среди молодежи заключила в 1993 году: «Мы не можем не прийти к выводу, что наблюдение сцен насилия повышает общий уровень насилия. Вывод, сделанный в результате проведенных исследований, состоит не в том, что телевидение является определяющей причиной социального насилия, скорее можно говорить о том, что телевидение – лишь одна из причин» [Старова, эл. ресурс]. Мы согласны с мнением тех ученых, которые полагают, что нельзя преувеличивать значение СМИ в продвижении норм агрессивного поведения людей. Многие исследователи считают,

что «высокий уровень насилия, характерный для современной кино- и телепродукции, предположительно, наряду с другими факторами, может оказывать свое влияние на осуществление некоторых видов агрессивного поведения, но не следует переоценивать важность этой зависимости» [Бэрон, Ричардсон, 1998, с. 117]. Проще говоря, экранное насилие не является первичной мотивацией агрессивного поведения. В свое время аналогичный вывод на обширном исследовательском материале делал И.С. Кон в отношении порнографии [Кон, эл. ресурс].

И хотя на протяжении многих лет в обществе бытует мнение, что насилие на телевидение приводит к ожесточению поведения зрителей, проведенный анализ показал, что в 70-х годах в США этот факт еще мог восприниматься как соответствующий действительности, так как и на телевидении, и в реальной жизни уровень насилия был одинаково высоким; в 80-х годах насилия на телевидение стало меньше, однако уровень преступности не снизился; в середине 90-х снова стало увеличиваться количество насилия на телевидении, в то время как уровень преступности был достаточно невысоким. Так, становится ясным, что преобладание насилия на телевидении является довольно противоречивым индикатором агрессивного поведения в обществе [Hetsroni, 2007].

Однако вопрос о том, что делать с медианасилием, остается на повестке дня. Как пишет профессор В.А. Сидоров, в современной медиасфере очевидно нарастание социально консолидированной и культурно мотивированной отчужденности от любых проявлений инаковости [Сидоров, 2018]. Основной чертой интенсифицируемых массовых медийных процессов стала агрессивность, поощряемая как со стороны политической элиты, так и со стороны общества: в современных СМИ демонстративно подчеркнуты как неприятие инаковости, так и выражение социального единства. Настроениям общества резонируют медиа и массовые коммуникации в целом, которые могут быть интерпретированы в качестве невольных источников социального напряжения.

Коммуникативные агрессии наследуют содержание, формы и методы идеологической борьбы между социально-политическими системами прошлого века, когда создавалась атмосфера открытой неприязни к иному образу жизни и ее духовному об-

рамлению, вызывалась враждебность к идейному противнику. Перемены в социально-политическом устройстве мирового сообщества, взрывной рост массовой коммуникации с возвышением информационной активности ее субъектов вкупе с обострением социальных противоречий в мире привели к радикализации духовных процессов. Социально-политические, религиозные и культурные противоречия вызвали поляризацию ценностных начал публичной сферы. Прежние идеологемы замещаются соответствующими ценностями: новообразованиями современной поликультурной среды – в малой степени, и гораздо в большей – органичным проявлением архетипов национальной культуры как эффективно способствующих ценностному сплочению социума. Поляризация ценностных начал сгущает и делает гомогенной аксиосферу социума, выталкивая за пределы общественного сознания все, что не совпадает с ценностными доминантами большинства, организует и направляет коммуникативные агрессии против определенных внутренних / внешних ценностных систем.

Разумеется, подчеркивает В.А. Сидоров, коммуникативные агрессии не должны рассматриваться вне глубокого культурного контекста, потому что их формирует не только текущая политическая практика, но и культурная платформа общества [Сидоров, 2018]. Эта мысль нам кажется чрезвычайно важной и плодотворной. Очень удобно сваливать всю ответственность за нарастание агрессии в современном обществе (и то, на наш взгляд, кажущееся нарастание) на деятельность СМИ и других медиаресурсов. На самом деле, во-первых, мы не знаем, действительно ли агрессии стало больше или мы просто знаем больше соответствующих фактов, потому что ругаемые нами СМИ об этих фактах стали больше сообщать. Во-вторых, на превращение вражды в агрессию, и тем более в насильственные формы агрессии, влияет множество факторов, которые описаны выше. Другими словами, истоки коммуникативных агрессий надо искать в генезисе ядра культуры, и еще вопрос: СМИ ли действуют на это ядро или, наоборот, – культура формирует интересы аудитории и профессиональные ориентации медиакоммуникаторов.

Следовательно, необходимо, чтобы профессионалы, определяющие основной набор транслируемых через СМИ образов и суждений, как минимум, были знакомы с современным понима-

нием проблематики насилия. И совсем было бы хорошо, если бы они понимали свою роль в формировании той «терроросреды», в которой все мы живем, в немалой степени благодаря специфическому толкованию некоторыми владельцами СМИ и организаторами медиапотоков своих профессиональных и социальных обязанностей.

Образ врага в системе медианасилия

Процесс превращения вражды в агрессию связан с появлением объекта (человека, социальной группы, государства), который соответствует существующему в сознании субъекта вражды стереотипу «носителя Зла». Этот стереотип целесообразно обозначить понятием «образ врага». Поскольку вражда встроена и в культурные стандарты и в личностные структуры человека, то этот поиск врага происходит практически постоянно. Очевидно, что в рамках разных подходов, выявленных в предыдущем разделе, возможны различные понимания причин вражды. Самое простое толкование возникает в рамках биоантропологического подхода. С точки зрения биоантропологического подхода, враг – это то существо или тот объект, который запускает в действие инстинкт агрессии. Механизмы распознавания «своих» и «чужих» основаны на формировании стереотипов, которые присущи живым существам на всех уровнях биологической эволюции. Бактерия классифицирует химические компоненты среды на аттрактанты и репеленты и реализует по отношению к ним две стереотипные поведенческие реакции; гуси знают, что «все рыжее, большое и пушистое очень опасно» [Лоренц, 1994, эл. ресурс] и т. д. С другой стороны, К. Лоренц описывает поведение рыб, которые в случае отсутствия внешнего соперника, посягающего на контролируемую территорию, могут перенести свою агрессию на собственную семью и уничтожить ее. Присутствие внешнего врага, «чужого» (зачастую очень напоминающего «своего») необходимо для устойчивого существования простейших сообществ. Как показывает в своих работах К. Лоренц, инстинктивное поведение животных контролируется целой системой торможения агрессивности. В то же время изменение условий существования вида может привести к срыву этой системы регулирования внутривидового отбора. «В неестественных условиях неволи, где по-

бежденный не может спастись бегством, постоянно происходит одно и то же: победитель старательно добывает его. Агрессор побуждает жертву к бегству, а той некуда деваться. «Образ врага» не устраняется из поля зрения и его приходится изничтожать» [Лоренц, 1994, эл. ресурс].

Таким образом, с биоантропологической точки зрения, единственная причина вражды – скрытый в глубинах нашего подсознания инстинкт агрессии. Это означает, что при отсутствии внешних объектов, на которых можно выплеснуть свою вражду, потребность совершить агрессивный акт все время возрастает, как бы накапливается. А порог запуска агрессии понижается, и все более мелких поводов оказывается достаточно, чтобы она вырвалась наружу. В конце концов она вырывается без всякого повода. Есть немало примеров того, как на зимовку или в экспедицию выезжают несколько дружных, уважающих друг друга человек, твердо знающих, что в таких условиях конфликтовать нельзя. Проходит время и, если нет внешнего объекта для проявления агрессивности, люди в группе начинают ненавидеть друг друга, а долго сдерживаемая агрессия находит самый пустяковый повод для большого скандала. Иногда накопленная вражда просто переадресуется какому-нибудь замещающему объекту. Мы ударяем кулаком по столу, что-нибудь разрываем на части, а некоторые предпочитают бить посуду. В обычной жизни наша агрессивность ежедневно разряжается через массу незначительных конфликтов со многими людьми. Мы можем научиться кое-как управлять своей агрессивностью, но полностью устранить ее не можем. И важно помнить, что, ограждая агрессивную личность от раздражителей, мы не снижаем ее агрессивность, а только накапливаем. Она все равно прорвется, причем сразу большой порцией.

Похожие, только значительно более сложные, процессы происходят и в социальной сфере. Здесь также существуют стереотипы, связанные с «образом врага», которые позволяют быстро, по немногим решающим критериям распознавать врага. Но в человеческом мире образ врага не только указывает на внешнего субъекта, «повинного» в реальном или символическом ухудшении условий бытия, но и обеспечивает существование и успешное самовоспроизводство той культуры, в рамках которой фор-

мировался субъект вражды. Образ врага помогает определить норму, выступая негативной точкой отсчета и рождая стратегии исключения и противостояния. Без образа врага трудно выработать представление о друзьях и самом себе. Причем это происходит как на уровне политики, социальных катаклизмов, экологии, повседневной культуры, проблемы гражданства, религиозных и эстетических систем, где важно, как разные формы символического и реального насилия конструируют социальные сферы, институты и культуру; так и на уровне формирования психологических механизмов групповой идентификации, в которых в эпоху модерности превалируют два основных отношения к Иному – его демонизация (то есть прямая форма насилия) или его экзотизация (опосредованная форма насилия через механизм подавления) [Тлостанова, эл. ресурс].

Б.Ф. Поршнев писал о том, что обособление «мы» и «они» в первую очередь лежит в основе культурных и языковых различий, поскольку группы, стараясь отличаться друг от друга, взаимно отталкиваются и стремятся к взаимонепониманию. Существуют по меньшей мере пять исследовательских подходов к феномену «свои – чужие» [Шипилов, 2008]. Не вдаваясь в анализ этих подходов, укажем, что продуктивность оппозиции «свой – чужой» объясняется гибкостью, удобством и простотой в плане манипулирования сознанием [Баженова, Лапчева, 2003]. При этом объектом оценки в политическом дискурсе чаще всего становятся группы (люди, социумы, явления, вещи и др.), которые воспринимаются как «свои» или «чужие», а также события и факты, которые находятся в той или иной связи с названными группами. Особенно часто объектом негативной оценки становятся политические оппоненты [Чудинов, 2006].

Чтобы Другой стал Врагом, он должен выделяться несколькими особенностями. Первая и главная характеристика врага – он обладает (или кажется, что он обладает) теми ресурсами, которых не хватает (или кажется, что не хватает) субъекту агрессии. Тот, кто имеет от жизни больше, вызывал и, вероятно, всегда будет вызывать у людей, в основном неимущих, чувство зависти. От этого чувства человечеству вряд ли когда-либо удастся полностью избавиться. История человеческих отношений и страстей, наглядно и красочно представленная писателями и философами

прошлого, убедительно свидетельствует о том, что люди, какими они были сотни лет тому назад, такими остаются и сейчас. На уровне больших сообществ основные социальные конфигурирования собственности и власти осуществляются в виде «диктата» и «протестной активности». Диктат – порядок принуждения под угрозой насилия. Его цель – достижение приоритетности и поддержание этого выгодного для кого-то порядка распределения жизненных ресурсов или эксплуатация. Протестная активность – также форма агрессии, где «протест» – идеологическая форма прикрытия, дополнительный моральный ресурс борьбы за новое перераспределение. На микроуровне, в межличностном социальном пространстве идет та же борьба за перераспределение, происходит микроконфигурирование социальной среды в виде успешного самоутверждения некоторых индивидов (напористость, подавление, причинение морально-психологического ущерба, захват капитала значимости и влияния) и подчиненность, возмущение обиженного большинства. Все это говорит о том, что существуют неустранимые причины для проявления неприязни и даже ненависти между людьми [Немов, 2003; Немов, эл. ресурс; Ильин, эл. ресурс].

Вторая характеристика врага – он должен быть не слишком силен и не слишком слаб. Агрессия против сильного врага бессмысленна: велика вероятность собственной гибели. Поэтому, если враг вполне реален, но страшноват, агрессия переносится на менее страшный объект. Разгневанный хозяин может пнуть свою собаку. Получивший нагоняй на работе муж – обругать, придя домой, жену; рассерженная жена – обругать ребенка; ребенок – ударить котенка. Переадресование агрессии более слабому и ничем не провинившемуся играет важную роль в поддержании иерархии. Враждовать со слабым противником – значит унижать себя. Поэтому самая злобная и упорная агрессия проявляется по отношению к врагу, который обладает либо примерно равной силой, либо некоторыми недостатками, которые, несмотря на его превосходящую силу, делают победу возможной.

Третья характеристика врага – он должен обладать всеми негативными качествами, существование которых в себе подготавливает субъект агрессии. Другими словами враг – это сильно ухудшенная версия самого субъекта агрессии. Очень часто

уничтожение врага – это уничтожение себя плохого. Другая версия – враг существенно лучше по какому-то критерию субъекта вражды. Люди, плохо образованные, как правило, не любят «очкариков».

Выполненные нами исследования показали, что в сознании большинства россиян существует значительное количество образов «чужих», которые, в свою очередь распадаются на несколько подгрупп разной степени «опасности». В частности, в качестве «чужих» маркируются следующие социальные группы: 1) представители власти; 2) представители различных народов и этносов; 3) «богатые» и «олигархи»; 4) мигранты, приезжие и представители «некоренных» разовых и этнических сообществ; 5) представители неправославных конфессий; 6) представители некоторых социальных групп (бомжи, алкоголики, ВИЧ-инфицированные, геи, лесбиянки и т.п.); 7) молодежь и подростки; 8) такой универсальный «чужой», как Запад [Дзялошинский, эл. ресурс].

Чаще всего в качестве «представителя» Запада для россиян выступают Соединенные штаты Америки. И хотя воевать с Америкой всерьез никто не собирается, поскольку «настоящей» мировой термоядерной войны никто не хочет, демонстративно символические действия, включая военные приготовления (прежде всего символического характера) получают массовое одобрение. Самые воинственные согласны на военные конфликты где-то вне пределов России, притом не с Америкой, а с ее мелкими союзниками, которых мы заведомо превосходим по силе. Война с Грузией 2008 года многим и казалась такой «приемлемой» формой третьей мировой войны. Потери небольшие, результат – символически значимый. Такая же ситуация в Сирии. Похоже на некий спорт [Культура ненависти..., эл. ресурс]. Однако не стоит преуменьшать значение воинственной риторики. Она способствует формированию в обществе излишней терпимости к насилию. В свое время советская власть на протяжении десятилетий усиленно вбивала в сознание людей идею необходимости нести какие-то огромные жертвы во имя светлого коммунистического будущего. Сейчас про такое будущее никто не говорит, но готовность использовать насилие для достижения каких-то символических целей по-прежнему является любимой темой политиков и пропагандистов. Людей хотят примирить с мыслью о том, что есть

интересы, которые выше интересов личности, человека, человеческой жизни.

В значительной степени этому способствуют разнообразные конспирологические теории внешних и внутренних врагов. Если внутренний враг известен часто поименно (то Ходорковский, то Немцов, то Навальный, то Pussy Riot), то внешний враг все время ускользает, заставляя быть готовым всегда. Это создает качественную конспирологическую почву, благодаря которой враг становится сколь опасным, столь и вечным. И, конечно, всегда найдутся люди с помраченным сознанием, которые будут вдохновенно писать о том, что *Россия и русские – экзистенциальный противник Запада, который для уничтожения России или для установления контроля над ее ресурсами и территорией организовал две мировые войны XX века, а по сути одну Большую войну 1914–1991 годов, из которой до сих пор не сделаны многие важные выводы. В частности, до сих пор эти события и их последствия анализируются без учета интересов, целей и деятельности главных поджигателей и бенефициаров – наднациональных структур, которые и сегодня продолжают вести психоисторическую войну против России и русских, планируя окончательное решение русского вопроса* [Андрей Фурсов..., эл. ресурс].

История человечества выработала несколько форм отношения к «чужому». Их можно сгруппировать следующим образом. В первую группу можно включить **позитивные модели** организации взаимоотношений с «чужими»: мультикультурализм, транскультурализм, интеркультурализм. Во вторую группу форм взаимоотношений с «чужими» целесообразно включить **нейтральные модели**, такие как бездействие, которое означает пустить все на самотек, в надежде, что все само собой как-нибудь образуется. (Очевидно, что само собой ничего не образуется и эта форма организации взаимоотношений довольно быстро заменяется на одну из двух других.) В третью группу форм взаимоотношений с «чужими» входят **враждебные модели**: изоляционизм, апартеид, ассимиляторство, насилие. При этом одной из самых активно используемых форм насилия является информационная агрессия, или медиа-агрессия. Информационные агрессии разного типа становятся важной частью коммуникации между государствами, бизнес-корпорациями, различ-

ными экономическими и политическими акторами. Более того, есть три основных сферы, в которых информационная агрессия рассматривается как допустимый и весьма эффективный способ достижения целей: межгосударственные отношения, политическая сфера и бизнес.

Чрезвычайно интересные мутации приобретает образ врага в ситуации медийной репрезентации террористов. Дело в том, что террористы крайне нуждаются в публичности и внимании общества, поэтому они стараются использовать средства массовой информации в своих целях. В отличие от диверсантов, целью которых является «всего лишь» разрушение объекта или ликвидация противника, цель террористов – не столько убийство, сколько устрашение и деморализация живых. Главное условие такого террора – бурная реакция СМИ. Современный террор имеет полем боя телеэкран, и не зря в таких акциях террористы, прежде всего, требуют не выкуп, а тележурналистов. Цель – воздействие на общество, чтобы уже оно предъявило ультиматум своим лидерам. Таким образом, появляется такой элемент терроризма как средства массовой информации, выступающие в качестве специального передаточного механизма между террористами и адресатами террора. Абсолютно все террористы, захватывающие заложников, требуют предоставления им права выступить перед представителями средств массовой информации или права выступить в прямом эфире перед телезрителями и радиослушателями. Примерно после 95% совершенных терактов их организаторы звонят в редакции и берут на себя ответственность за совершенное преступление. Есть множество примеров террористов, стремящихся попасть в выпуски новостей. Эксперты в области терроризма полагают, что многие теракты специально планируются и реализуются таким образом, чтобы камеры телерепортеров успели снять эти акты. Снятые на камеру казни и зверские убийства передаются в СМИ или размещаются в интернете с единственной целью – запугать людей. При этом совершенно неважно, в каком ключе описывают СМИ действия террористов: оправдывающем или гневно-осуждающем. Для террористов важно, чтобы массовая аудитория видела в них грозного врага и боялась этого врага, требуя от своих правительств удовлетворить требования террористов.

С другой стороны, некоторые силовые ведомства и правительства заинтересованы в том, чтобы СМИ создавали из террористов образ страшного врага, поскольку это развязывает руки силовикам в их борьбе против этого реального или мифического врага. Мировой терроризм в отображении масс-медиа – это некое абстрактное понятие, пользуясь которым, можно вполне легитимно – то есть с согласия все того же общественного мнения – бомбить Афганистан, Ирак, Сирию – кого угодно. Современные СМИ создали информационный контекст, который оправдывает любое насилие в ответ на террористические акции, ибо терроризм в изображении масс-медиа предстает невидимым, присутствует в некоторой концентрации повсеместно, прикрывается благими целями, выступая против базовых ценностей современного общества. Создается представление, будто террористы возникли из ниоткуда в полной экипировке, снабженные современным летальным оружием – что-то вроде посланцев дьявола, с которыми надо неумоимо бороться, «мочить» их, как выразился Президент России, даже в сортирах.

Возникший эффект «терророфобии» оказывается инструментом политических игр. Например, образ «исламского террора» служит для побуждения объединения Запада в противовес Юго-Восточной «террористической угрозе». Одновременно с помощью этого образа раскалывают исламский мир, деля его государства на «террористические» и «нетеррористические», хотя деление это более чем условно, поскольку именно «нетеррористические» Саудовская Аравия, Пакистан, Турция, Иордания – районы базирования и спонсоры исламских террористических групп.

С третьей стороны, сами СМИ не могут игнорировать значительные происшествия или экстремальные ситуации, поэтому в момент совершения теракта они становятся заложниками своей внутренней структуры. Жесткое ограничение информации о событии, о котором более всего хотят знать граждане информационного общества, противоречит самой природе и смыслу современных СМИ. Это создает серьезную проблему. Понятно, что СМИ – которые по определению защищают интересы общества – не могут быть посторонними и отстраненными наблюдателями дуэли террористической системы и контртеррористических служб. Однако СМИ не могут становиться и волонтерами спец-

служб, борющихся против террористов. Тем более что в деятельности этих спецслужб слишком много недостатков, о которых тоже следует информировать общество. В этой ситуации особенно наглядно видна необходимость четкого понимания функций СМИ в современном обществе и жесткого соблюдения этических стандартов, которые зафиксированы в многочисленных памятках и кодексах различных журналистских организаций, в которых показано, как профессионально правильно сообщать о терроре, не делая СМИ соучастником преступников. Речь идет о необходимости добровольных обязательств отказа от предоставления людям, совершившим теракт, выхода на информационное поле, о неразглашении информации о действиях антитеррористических сил, о моратории на политические, конфессиональные, этнические и другие комментарии в момент ситуации теракта и сразу после него и т.п.

Заключение

Подводя некоторые итоги сформулированных выше положений, обозначим несколько позиций для дальнейших размышлений.

Человечество в значительных своих сегментах успешно вернулось во времена войны всех против всех, камуфлируя это одиночество множеством высокопарных слов о суверенитете, заботе о народном благе, внешних врагах, покушающихся на национальные святыни, и т.д., и т.п. Из далекого прошлого извлекаются образы, мифологемы и идеологемы, оправдывающие именно такой выбор. Религиозные владыки, деятели культуры, находящиеся на содержании властей, журналисты, работающие в средствах массовой информации, финансируемых властью и большим бизнесом, являются естественными помощниками тех, кто сопротивляется переходу к новому типу устойчивого глобального развития, ориентированному на удовлетворение человеческих потребностей не за счет хищнического растраниживания природных ресурсов, а за счет поиска и внедрения принципиально иных способов ведения хозяйственной деятельности, принципиально иных способов организации социальной жизни.

С другой стороны, стремительное развитие средств коммуникации, медиатизация всех сторон общественной жизнедеятель-

ности, связанное с этими процессами ускорение социальных и технологических изменений создают все больше трудностей для адаптации внешней и внутренней среды человека. В результате инстинктивная агрессивность, которая гасилась привычными ритуалами и традиционными коммуникациями, вырывается наружу. Как в социальных формах хулиганства, вандализма и пр., так и в коммуникативных формах. Так, например, есть основание полагать, что изменение формы и структуры социальных коммуникаций с приходом интернета привело к существенному увеличению объема агрессивных текстов. Объясняется это тем, что глубинные структуры коммуникации закладывались в те времена, когда борьба и насилие были естественными и привычными моделями отношений, в том числе и в сфере коммуникации. Отсюда бесконечное разнообразие приемов и технологий, контрприемов и контртехнологий коммуникации, которые можно объединить в такие разделы, как: 1) искажение и фальсификация информации; 2) логика обмана; 3) психологическое манипулирование; 4) коммуникативное насилие; 5) провокация и мимикрия; 6) технологии социальной индукции и суггестивные технологии и др. Стремительное развитие новых информационных технологий, которые, по мнению некоторых исследователей, должны были улучшить мир коммуникационных отношений, привели к еще большему совершенствованию способов управления общественными отношениями, сознанием и поведением людей.

Понятно, что никакими призывами, проповедями, «решительными действиями» эту ситуацию изменить невозможно. Потребуется существенная корректировка приоритетов государственной политики, которая должна быть ориентирована на консолидацию различных социальных групп и отдельных личностей в ситуации роста социального разнообразия общества, что способствовало бы уменьшению вероятности социальных, политических, экономических, этнических и религиозных конфликтов. Очень важно сформировать социальные лифты, позволяющие представителям различных групп и социальных слоев общества посредством социальной, академической и профессиональной мобильности преодолевать различные виды неравенства и достигать профессионального и личностного успеха. Потребуется долгая кропотливая работа по радикальному обновлению всей системы образования,

которое в своей гуманитарной части ориентировано на возвеличивание насилия и войн, что невольно способствует формированию оценки силовых способов разрешения конфликтов как социальной нормы.

Предстоит радикальная трансформация деятельности медийных структур. Журналисты должны перестать рассматривать себя как службу власти и бизнеса, с одной стороны, и Дон-Кихотов и Бэтменов, спасающих непросвещенную аудиторию, с другой стороны. Людей, которые организуют на государственных телеканалах «пятиминутки ненависти», должно всюду сопровождать общественное презрение. Но и просто удовлетворятся привлечением внимания к несправедливости, как принято в традиционной журналистике, тоже уже недостаточно. Гражданам в наше время требуется гораздо больше. Им необходимо увидеть, каким образом они могли бы сыграть свою роль, изменить что-либо, быть услышанными – каким образом они могли бы в большей степени участвовать в общественной жизни.

Все сказанное выше – лишь простые констатации сегодняшней ситуации. Однако уже видны контуры завтрашнего дня, и этот завтрашний день несет с собой такие проблемы, по сравнению с которыми сегодняшние переживания покажутся смешными.

Мы стоим у истоков четвертой промышленной революции, отличительными чертами которой являются скорость, масштабность и системность. Однако восторг по поводу этого нового мира, быстро гаснет, когда знакомишься с высказываниями о нашем будущем знаменитого английского физика С. Хокинга [Прогнозы Стивена Хокинга..., эл. ресурс]. И, на наш взгляд, очевидно, что притормозить разрушительные тенденции, с такой очевидностью обозначенные С. Хокингом, можно только изменив вековые матрицы жизнедеятельности и коммуникации. Иначе сбудутся самые мрачные антиутопии, согласно которым наиболее вероятная модель развития человечества – обеспечение безбедной жизни некоторому количеству землян, к услугам которых будут всяческие технологические чудеса, а всем остальным будет уготован тот технототалитарный ад, который с большим удовольствием показывают в американских фильмах о будущем.

Литература

1. «Андрей Фурсов – Россия на пороге нового мира. Холодный восточный ветер – 2». URL: <https://www.libfox.ru/650029-andrey-fursov-rossiya-na-poroge-novogo-mira-holodnyy-vostochnyy-veter-2.html>
2. Баженова Е.А., Лапчева С.А. Опозиция свой – чужой в политическом дискурсе // Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. С.16–18.
3. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб., 1998.
4. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000.
5. Дзялошинский И.М. Медийные стратегии вражды: языковые и образные средства. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/213658240>
6. Тарасов К.А. Кинематограф насилия и его воздействие // Жабский М.И., Тарасов К.А., Фохт-Бабушкин Ю.У. Кино в современном обществе: Функции – воздействие – востребованность. – М.: Изд-во Министерства культуры РФ, НИИ киноискусства, 2000. С. 256–351.
7. Ильин Е.П. Психология зависти, враждебности, тщеславия. URL: <https://www.profilib.net/chtenie/76330/evgeniy-ilin-psikhologiya-zavisti-vrazhdebnosti-tscheslaviya-3.php>
8. Ковалов О. Реплика в дискуссии «Весь мир насилия мы разрушим» // Искусство кино. 2003. № 7.
9. Кон И. Надо ли бояться порнографии? URL: <https://scisne.net/a-2237>
10. Культура ненависти. Принцип гарантированного взаимного уничтожения народа и стратегия номенклатуры. URL: <http://www.liberal.ru/articles/6152>
11. Лоренц К. Агрессия. – М.: Прогресс, 1994; URL: http://nv-shulenina.narod.ru/lorenc_konrad_agressiya.pdf
12. Немов Р.С. Вражда. URL: <http://psy.rin.ru/article/1258/1/2/>;
13. Немов Р.С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. Заведений. В 3 кн. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003.
14. Прогнозы Стивена Хокинга: какое будущее предсказал ученый нашей цивилизации. URL: <http://travelask.ru/blog/posts/13329-prognozy-stivena-hokinga-kakoe-budushee-predskazal-uchenyu>
15. Сидоров В.А. Коммуникативные агрессии XXI века: определение и анализ предпосылок // Вестник СПб. ун-та. Язык и литература. 2018. № 15(2). С. 300–311.
16. Собкин В.С., Хлебникова М.В., Грачева А.М. Насилие и эротика на российском экране: опыт контент-анализа телевизионных трансляций // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования. Том V. Вып. VII. – М.: Изд-во Центра социологии Российской Академии образования, 2000. – С. 138–161.
17. Старова О. Средства массовой информации как источник агрессии. URL: <https://psyfactor.org/lib/starova.htm>
18. Старова О. Средства массовой информации как источник агрессии. URL: <https://psyfactor.org/lib/starova.htm>
19. Тарасов К.А. «Агрессивная кинодиета» ТВ и студенчество // Высшее образование в России. 2002. № 3. С. 66–76.

20. Тарасов К.А. Глобализованное кино как школа насилия // Кино в мире и мир кино. – М.: Материк, 2003. С. 116–133.
21. Тарасов К.А. Насилие в кино: притяжение и отталкивание // Испытание конкуренцией. – М.: Изд-во НИИ киноискусства, 1997. – С.74–97.
22. Тлостанова М. Насилие/исключение/подавление как модель отношения к «киному» в российском культурном воображаемом. URL: http://www.dzyalosh.ru/03-toler/books/nasilie/2_tlostanova.htm
23. Усманова А. Насилие как культурная метафора. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/usmanova_nasilie/
24. Федоров А.В. Права ребенка и проблема насилия на российском экране. – Таганрог: Изд-во Кучма, 2004.
25. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта–Наука, 2006.
26. Шариков А.В. Если сомневаешься, исключи: Дети и насилие на экране // Культура. 2000. № 46.
27. Шипилов А.В. Свои, чужие и другие. – М.: Прогресс–Традиция, 2008.
28. Federman J. (Ed.) National Television Violence Study. Vol. 2. – Santa Barbara: University of California, Center for Communication and Social Policy, 1998.
29. Hetsroni A. Four Decades of Violent Content on Prime-Time Network Programming: A Longitudinal Meta-Analytic Review // Journal of Communication. December 2007. Vol. 57, Issue 4. P. 759–784.
30. The Norwegian Government's Campaign to Combat Violence in the Visual Media. – Oslo, 1995.

Дзялошинский И.М.

Медиа как пространство насилия (к методологии исследования)

Аннотация: Статья посвящена осмыслению теоретических и практических аспектов роли СМИ и сетевых медиа в распространении различных форм насилия. Рассмотрены имеющиеся подходы к пониманию медианасилия и сформулирована авторская позиция по этому вопросу. Особое внимание уделено категории «образ врага». Выявлены основные особенности социального субъекта, который «выбирается» на роль врага. Представлена типология субъектов, маркируемых в СМИ в качестве врагов. В заключении сформулированы некоторые действия, реализация которых могла бы способствовать понижению градуса медианасилия.

Ключевые слова: медиа, медианасилие, медиатеррор, СМИ, образ врага.

Dzyaloshinsky Joseph M.

Media as a space of violence (to the methodology of research)

Annotation: The article is devoted to understanding the theoretical and practical aspects of the role of the media and network media in the spread of various forms of violence. In the article reviewed the existing approaches to understanding of media violence and articulated the author's position on this issue. Particular attention is paid to the category of "the image of the enemy". In the article revealed the main features of the social actors, which are "chosen" to the role of the enemy. In addition in the article presented typology of actors marked in the media as enemies. Also in the article proposed some actions, the implementation of which could reduce the level of media violence.

Key words: media, media violence, media terror, the image of the enemy.